

УДК 331

Волкова О.А., канд. экон. наук, доцент кафедры социальной работы Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

В статье выделяется комплекс социальных и экономических факторов, препятствующих обретению специалистами профессиональной идентичности. Исследование, проведенное в 2002–2005 гг. среди безработных Саратовской и Волгоградской областей, показало взаимосвязь между адекватностью самооценки людей и профессиональной идентичностью, между своевременно и качественно оказанной профориентационной помощью и наличием постоянной работы. Важнейшей составляющей профессиональной идентичности является эффективность трудовой деятельности, включающая организационно-экономическую, социальную, психологическую и клиентоцентрированную составляющие.

Понятие «идентификация» было введено З. Фрейдом, и в психоаналитической традиции трактуется как центр, механизм, обеспечивающий способность «Я» к саморазвитию [14]. Концепт определяется как процесс сопоставления, сличения одного объекта с другим, на основании какого-либо одного признака или комплекса свойств, в результате чего происходит установление их сходства или различия.

Раскрытие в мировой науке категории идентификации показало, что ее нарушения характерны для значительной части общества, а проводимые в России реформы не могли не привести к ошутимому росту численности неидентичных специалистов на рынке труда.

На протяжении десятилетий советская культура воспитывала поведенческую и ментальную однородность общества, представление о едином образе жизни для всех представителей одной профессии. Специфика идентификации в современной России состоит в том, что «профессиональные позиции, которые в настоящих условиях обеспечивают устойчивую идентичность, по своему основанию являются маргинальными... с одной стороны – это бизнес с полукриминальным оттенком и когорта «профессий» при

нем, а с другой стороны – это действительно маргинальные слои общества – нищие, продолжающие до сих пор работать в государственном секторе бюджетники, представители творческих профессий» [6, с. 1].

Степень или потенциал маргинальности можно измерить следующими способами: определить порог устойчивости профессиональной идентичности (предельную силу внутреннего конфликта, который способен выдержать данный работник, не нарушая профессиональной этики и норм); выявить мотивационную основу поведения маргинала (боязнь санкций, экономическая выгода и т.д.).

Отечественные ученые не могут проводить анализ ситуации без учета происходящих политических, экономических, социальных изменений, т.к. в прежней социальной структуре мало общего с проявлениями современной рыночной экономики, поэтому в идентификации следует выделять, прежде всего, стороны, связанные: 1) с трансформацией социально-экономической структуры; 2) с изменениями субъектов труда.

На сегодняшний день профессиональная стратификация, в значительной степени, теряет свою первостепенность в определении социального статуса, пре-

стижа и экономического положения, поскольку вознаграждения очень слабо соотносятся с общефункциональными ценностями профессии и с достигнутым уровнем профессионализма.

Кардинальное изменение положения одних социальных элементов и «выпадение» других, по сути, составляет основу процесса разрушения идентификации, т.е. маргинализации, являющейся «наиболее сложной политической проблемой, которую несет перестройка структуры хозяйства и переход к рынку» [5, с. 20]. «Дефицитные» в кадровом отношении области социального функционирования (политика, бизнес) заполнены большим количеством полупрофессионалов и непрофессионалов (конструктивно, когда эти люди находятся лишь во внешнем секторе профессионального поля), деятельность которых изменила оценочные стандарты должного качества.

Комплекс факторов, препятствующих обретению профессиональной идентичности российскими специалистами, можно разделить на две группы: социальные и экономические.

К первой из них относятся: демографический фактор, который характеризуется сокращением числа населения и его старением; здоровье – распространение инфекционных и психических заболеваний, рост социальных болезней, увеличение числа инвалидов и др.; маргинализация – одни люди не обладают профессиональной идентичностью, так как она не была сформирована изначально; другие первоначально ее имели, но со временем, в силу объективных причин, утратили.

Вторую группу факторов составляют: внешняя интеллектуальная миграция – выезд за рубеж специалистов, составляющих интеллектуальный потенциал страны; наем ученых и специалистов иностранными компаниями, функционирующими на территории России; внутренняя миграция – переход ученых и специалистов в бизнес, торговлю, финансовые институты; вовлечение в деятельность криминальных структур; «неформальная занятость» – работники, не оформленные официально в зарегистрированных орга-

низациях, а также официально оформленные наемные работники, осуществляющие, помимо основной, неучтенную деятельность (вторичная занятость), – представлена в формальном секторе экономики; люди, имеющие скрытую занятость, которая все чаще приобретает принудительный характер, – наблюдается в неформальном секторе; качество жизни – низкий уровень здравоохранения, образования, социального обеспечения, состояние коммуникаций и жилья, социальная и правовая незащищенность граждан, увеличение доли расходов населения на платные услуги в связи с монетизацией льгот и др.; дифференциация оплаты труда по отраслям экономики и регионам – самая низкая заработная плата в образовании, здравоохранении, культуре, науке, сельском и лесном хозяйстве, легкой промышленности, машиностроении и др.; заработная плата в финансовом секторе экономики, газовой, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, цветной металлургии и т.п. значительно превышает среднюю по стране (данный факт идет вразрез с мировой практикой в развитых странах).

Российский рынок труда сопровождается потерей большим количеством работников собственной профессиональной идентичности: во-первых, активно идет процесс перехода потенциальных маргиналов в реальных; во-вторых, происходит перетекание идентичных и потомственных представителей профессии в другие структуры, ассоциирующиеся с лучшим образом жизни, связанным с размером вознаграждения, получаемого за собственный труд.

Связующим звеном всех компонентов модели профессиональной идентичности является экономическая депривация специалиста, так как профессионализм – это «товар» [13], предполагающий соответствующую цену и наличие конкуренции на рынке труда. Таким образом, финансовая удовлетворенность специалистов, находящихся в маргинальном положении, определяется показателями: успешным опытом человека, связанным с объемом денег, получаемых на прежнем

месте работы; положительной оценкой субъектом вероятности удовлетворения этой потребности в будущем; силой потребности в конкретном размере материального вознаграждения; разницей между величинами желаемого и имеемого финансового блага.

Предложим релевантные для исследования идентификации особенности динамики профессиональных полей на современном российском рынке труда: стирание четких границ между профессиональными полями (инженер становится бизнесменом и др.); открытие между полями промежуточного пространства в связи с перераспределением населения в структуре занятости; действие реальных групп того или иного профиля не на мировом или национальном, а на локальном уровне; автономность местных профессиональных групп относительна, так как при налаживании контактов они образуют транслокальные профессиональные образования; отсутствие единого контроля над профессией создает благодатную почву для появления маргинальных образований; постановка под сомнение компетентности одного из представителей профессии может стать причиной недоверия ко всему профессиональному сообществу.

Реструктуризация экономики, рост доли сектора услуг и торговли при одновременном сокращении производственной сферы привели к возникновению значительных потоков трудовой мобильности и проявлениям контриденцичности.

Для некоторых это шаг вверх по социальной лестнице, связанный с открытием собственного дела, но для большинства такие изменения чреваты потерей идентификации с профессией, сменой квалифицированного труда на неквалифицированный, более низкой заработной платой, потерей работы. Статус может быть представлен как: 1) профессиональный (полученное образование, занимаемая должность и т.п.); 2) отраслевой (экономика, медицина и др.). Обе характеристики служат причиной социальной стратификации. Если представить на координатной прямой соотношение профессионального (горизонтальная ось X) и отрас-

левого (вертикальная ось Y) статусов, они показывают в профессиональном поле соотношение «Кто что делает?» и «Кто что имеет?» соответственно.

Здесь стоит обратить внимание на различие в образе и стиле жизни работников, имеющих аналогичное профессиональное образование и занимаемую должность, но работающих в разных отраслях. Образ жизни создает границы, за которые можно выйти, лишь покинув какое-либо профессиональное поле; стиль жизни – это свободно выбираемая модель поведения в определенных рамках данного образа жизни. Доказано, что образ жизни (прежде всего быт, его условия) формирует 50% здоровья человека. Доля остальных факторов – генетической наследственности, экологии и т.д. – лишь 5–15% [12].

Экономические и социологические исследования показывают, что в последние несколько лет в России существует слой людей, которые не могут идентифицировать себя с определенной группой. Это работники бюджетной сферы, столкнувшиеся с проблемами нестабильности заработной платы, скрытой безработицы, падения престижа рабочих профессий. Для этой группы характерно ощущение несоответствия полученной квалификации исполняемой работе, они считают ее непрестижной и малооплачиваемой, не видят возможностей профессионального роста.

Хотя с 2000 года на российском рынке труда продолжается тенденция сокращения общей численности безработных, последними одновременно утрачивается профессиональная идентичность, в особенности это заметно у специалистов, зарегистрированных в Центрах занятости населения более года. Самый большой средний период поиска работы отмечается среди безработных в возрасте от 50 до 54 лет – 10,5 месяцев; от 35 до 39 лет – 9,6 месяцев; от 40 до 44 лет – 9,5 месяцев. Женщины ищут работу дольше (девять месяцев), чем мужчины (8,3 месяца). Вместе с тем вдовцы (вдовы), а также состоящие в браке безработные с большим трудом находят работу (9,1 месяцев), чем незамужние и неженатые безработные

(7,8 месяцев) [10]. Видимо, это связано с большей социальной и профессиональной мобильностью последних.

Исследование, проведенное нами в 2002–2005 годах среди безработных Саратовской и Волгоградской областей, показало взаимозависимость между неадекватностью самооценки людей и отсутствием работы: 70% безработных имеют неадекватную – заниженную или завышенную – самооценку, тогда как среди работающего населения это всего лишь 27%. Кроме того, изучение безработных показало влияние самооценки на профессиональный выбор: 1) виды занятости, выбранные людьми с завышенной самооценкой, соответствуют их профессиональным предпочтениям, но не отвечают высоким требованиям, предъявляемым человеком к уровню заработной платы выбранной профессии, которая не является высокооплачиваемой (видимо, чем выше у человека самооценка, тем меньше он желает изменять свои профессиональные намерения, ориентируясь на специфику рынка труда – это ведет человека к социальной дезадаптации и безработице); 2) люди с заниженной самооценкой, напротив, ориентируются на рынок труда, часто игнорируя собственные профессиональные интересы и склонности, что приводит к профессиональной неудовлетворенности и снижению адаптивных способностей личности, зачастую влекущих за собой потерю работы.

В зависимости от уровня активности на рынке труда, безработных можно разделить на несколько категорий: 1) субъекты, обладающие конкурентоспособными профессиями; они активны, уверены в своих силах, сравнительно быстро находят новую работу; 2) люди, долго и болезненно переживающие потерю работы, за которой впоследствии могут произойти последующие лишения; человек лишается средств к существованию, а также устоявшихся социальных связей, привычного образа жизни.

У безработных развитие ситуации возможно по двум направлениям: 1) отказ от малоквалифицированного вида деятельности, свыкание с новой социальной

ролью безработного; 2) согласие на любую работу, принятие ее как временной.

Отсутствие формальных определений для современных социальных явлений, например, новых форм занятости в российской экономике, также становится основой для маргинальной самоидентификации. Показательно, что работающие в теневом секторе обычно затрудняются отнести себя к одной из двух групп — занятых или безработных (при проведении опроса 2000–2005 годов выпускников вузов эта проблема возникала перед нами достаточно часто; информанты, в основном, отзывались о своей работе пренебрежительно, характеризуя свое положение как временное).

В настоящий момент не существует строгой формулировки, обозначающей ситуацию невыплаты зарплат на российских предприятиях. Как известно, «занятость» неразрывна с понятием «оплачиваемая», а «безработица» – с отсутствием каких-либо контрактных отношений с работодателем. Так формируется еще одна маргинальная идентичность – «работников без зарплаты» [11, с. 46].

Идентификационные характеристики показывают, что профессиональное поле ведет к формированию, во-первых, статистической (существует как совокупность в статистике) и, во-вторых, реальной социально-профессиональной групп. Они могут кардинально не совпадать (например, официально зарегистрированные предприниматели и представители «теневого» бизнеса: по данным некоторых исследований, сегодня вклад неформального сектора во внутренний валовой продукт развивающихся стран колеблется от 5% до 35%, в нем работает от 25% до 66% населения; в развитых странах масштабы неформальной деятельности значительно меньше, а ее вклад в экономику оценивается на уровне 5–10% внутреннего валового продукта [8, с. 93]).

Важнейшей составляющей критерия профессиональной идентичности является эффективность трудовой деятельности – интегральный показатель, включающий организационно-экономическую, социальную, психологическую и «клиен-

тоцентрированную» составляющие [3]. Выделяется эффективность: 1) собственно экономическая – отношение доходов к затратам; 2) социальная – соотношение социальных издержек профессиональной группы и полезного социального результата для нее или для специалиста; 3) клиентоцентрированная – превалирование ориентации субъекта труда на долгосрочные взаимоотношения с потребителем или на сиюминутную выгоду; 4) психологическая – баланс психофизиологических затрат и удовлетворенности.

При исследовании формирования профессиональной идентичности возникает острая постановка вопроса о невостребованности молодежи на рынке труда. По данным социологических обследований последних лет, в составе общей численности безработных граждан России 21% – люди, которые ранее никогда не работали. В последнее время наблюдается незначительное увеличение общей доли выпускников средних и высших учебных заведений, не имеющих опыта работы. Средний возраст безработного на протяжении последних лет не меняется и равен 35 годам, что обусловлено высоким уровнем общей безработицы в возрастных группах 15–19 лет (30–35%) и 20–24 лет (18–17%). Доля молодежи до 25 лет в общей численности безработных достигла 25% [12].

Причины данного явления мы попытались изучить, проведя опрос выпускников высших учебных заведений. Исследование показало, что среди безработных выпускников вузов: у 59% респондентов профессия не соответствует их склонностям; у остальных 41% – не соответствует потребностям регионального рынка труда. То есть, почти всеми безработными выпускниками вузов профессия была выбрана неправильно изначально, а неправильный выбор явился важным фактором безработицы среди молодежи с высшим образованием.

Что касается работающих выпускников, то, в подавляющем большинстве, профессия соответствовала их склонностям и отвечала потребностям рынка. В ходе опроса работающих и безработных

опрашиваемых были получены интересные данные: на момент выбора профессионального учебного заведения никто из опрашиваемых не знал о стратегии выбора профессии; как работающие, так и безработные выпускники недостаточно были информированы о потребностях рынка труда города, региона и страны; на момент выбора профессии молодые специалисты, даже работающие сейчас, с трудом определяли свои склонности и интересы.

Причинами выбора профессии безработные назвали: соответствие профессии их склонностям (40%); получение высшего образования (42%); «выбрала ту профессию, что и подруга», «поступил туда, где меньше конкурсов» и т.п. (12%); «выбрала более новую профессию и, как следствие, в будущем более востребованную» (6%). Среди респондентов 80% на момент выбора профессии не имели четко выраженных интересов, которые могли бы определить выбор профессии; среди них 60% вообще не могли выделить в то время какие-либо профессиональные наклонности.

Работающие выпускники высших учебных заведений причинами выбора профессии назвали: соответствие профессии собственным склонностям (97%); будущая востребованность профессии, по их мнению, на рынке труда (98% случаев, при этом перспективность профессии 20% исследуемых связали с тем, что выбранная ими профессия является новой и имеет широкую гуманитарную направленность; 40% информантов выбрали профессию, связанную с работой на компьютере в связи с массовой компьютеризацией большинства профессий; 10% респондентов изначально предполагали конкретное место работы).

Список литературы

1. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. – М., 1999.
2. Голенкова З.Т. и др. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян,

И.В. Казаринова // Социологические исследования. – 1996. – № 8.

3. Дружилов С.А. Критерии эффективности профессионалов в условиях совместной деятельности // Объединенный научный журнал. – 2001. – № 22.

4. Капустин Е.И. Качество труда и заработная плата. – М., 1964.

5. Латин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. – 1993. – № 9.

6. Маргинальность в современной России / Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлуцкая, А.Н. Демин, А.В. Качкин, И.А. Климов, Л.Е. Петрова, И.П. Попова // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_03.php

7. Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. – М., 1995.

8. Маслова И. Неформальная занятость в России // Вопросы экономики. – 2003. – № 9.

9. Мкртчян Г., Чистяков И. Социальные аспекты рынка труда // Общество и экономика. – 1999. – № 9.

10. Мониторинг регистрируемой безработицы. Январь-июнь 2003 года. – Вып. 1. – М., 2003.

11. Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ. – М., 1996.

12. Фарж А., Рашковский Е. Маргиналы // 50/50: Опыт словаря нового мышления; Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – М., 1989.

13. Фромм Э. Иметь или быть. – М., 1990.

14. Freud S. An Outline of Psychoanalysis. – N.Y., 1949.